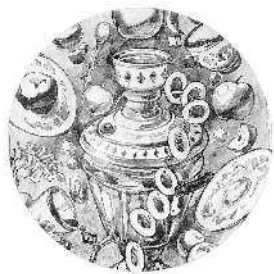

— первая среди лучших —

ТАТЬЯНА Устинова

Переплеты в жизни

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Иллюстрация на обложке *В. Лебедевой*
Под редакцией *О. Рубис*
Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Переплеты в жизни : сборник рассказов / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-04-107721-1

«Потерять, разломать, не уследить, сделать недовольное лицо, зачитать приговор гораздо проще, чем сохранить, убедить, сделать счастливым и добиться помилования! Несчастливым и нелюбимым вообще быть проще, чем счастливым и любимым, ибо любовь и счастье — большая работа!»

Татьяна Устинова

В сборник входят следующие произведения: «Тверская, 8», «Не оглядывающийся никогда», «Вечное свидание».

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107721-1

© Устинова Т.В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ТВЕРСКАЯ, 8

1

«У вас есть братья Карамазовы?»

«Достоевский в отделе русской классики, пойдёмте, я покажу».

«Да не нужен мне Достоевский, девушка! Мне нужны братья Карамазовы, ну... то есть их произведения! Что это вы в книжном работаете, а не знаете, ей-богу! Они фантастику писали!»

«Я поняла. Вам нужны Стругацкие, а не Карамазовы. Братья Стругацкие».

«Да какая разница!»

Диалог в книжном магазине «Москва».

Утро началось не слишком хорошо.

Она приставала, а он все отворачивался. И договориться никак не получалось. Уж и времени почти не осталось, уезжать давно пора, а дело все ни с места.

— Ну, ладно, ну, что ты сердишься?! Я каждый день уезжаю, мне на работу обязательно нужно! Ты же знаешь!

Сопение, и больше ничего.

— Да ладно тебе! Чем дольше мы тут с тобой будем разбираться, тем позже я приеду, ты это хоть понимаешь?! Я бы давно уже уехала, и приехала бы пораньше, и мы бы с тобой гулять пошли. В поле.

Вчера в поле не получилось, потому что дождь шел, а сегодня точно мы пойдем, я тебе обещаю!

Сопение и некоторое движение спиной, по крайней мере, видно, что слушает, — уже прогресс.

— Ну, давай скорее мириться, и я поеду.

1991 год

— Девчонки, танки!..

— Какие танки, что ты врешь!

— Да говорю тебе, танки на улице Горького! Прямо у нас под окнами! Не веришь, выйди и глянь сама!

Вмиг всех, кто курил на лестнице, где всегда почему-то был сквозняк, будто сдуло этим самым сквозняком, только каблук зацокали по истертой каменной лестнице.

«Девчонки», от восемнадцати до пятидесяти пяти, сосредоточенно и перепуганно переглядываясь, устремились вниз.

Что такое? Неужели все-таки... Нет, про это и думать как-то страшно. Но неужели все-таки... переворот? Это значит... что? Это значит — гражданская война, что ли?! Вот тут, у нас, в Москве танки?!

В огромном торговом зале было пусто — время смутное, не до книг, хотя именно в этом магазине всегда с утра до ночи толпился народ, с самого пятидесят восьмого года, когда накануне праздника Великой Октябрьской социалистической революции «москвичам и гостям столицы был преподнесен подарок».

Пятого ноября пятидесят восьмого года открылся книжный магазин «Москва».

Тогда любили приурочивать все на свете то ко дню рождения вождя мирового пролетариата, то к очередной годовщине Октября, когда этот самый вождь, хитренько улыбаясь — именно таким хитреньким и добродушным балагуром его почему-то изображали в кино, — взял, да и поставил на дыбы огромную империю. Империя на дыбы поднималась с трудом, оглядывалась, огрызалась, закусывала удила, косила налитым кровью глазом, с трудом дышала — этот, хитренько улыбавшийся, ничего не боялся и знай себе подстегивал, натравливал, интриговал, взывал, писал памфлеты, указывал пути развития, формулировал апрельские тезисы, то и дело ссылаясь на некоего Маркса с его теорией прибавочной стоимости. До Маркса, да и до прибавочной стоимости, империи с ее миллионами серых шинелей, крестьянами, куполами, Троицыным днем и дворянскими усадьбами не было никакого дела. Империя на дыбы поднималась тяжело, как будто предчувствовала страшное, почти невыносимое испытание, уже смутно рисовавшееся впереди в заревах пожаров гражданской войны, в грохоте расстрельных залпов, в столах свергаемых колоколов, в воплях детей и женщин.

Говорят, сам вождь, поначалу ничего не боявшийся и бодро призывавший захватить «почту, телефон и телеграф», замирился с немцами, удержать власть любой ценой, расшевелить, разбудить, расшатать устои, в тот момент, когда империя все же поднялась на дыбы, перепугался, да так, что решил было отыграть назад, да ничего не вышло, слишком поздно он спохватился!.. И ничего он не смог ни изменить, ни поправить и умер, говорят, в страшных мучениях, как и положено умирать злодеям, и вот теперь, спу-

стя семь десятилетий, до чего дошло — до танков на московских улицах!..

Первой по лестнице скатилась товаровед Нина Иванушкина, навалилась на дверь, дергая кольцо кодового замка, который всегда почему-то заедало, и выскочила в торговый зал. Электричество горело тускло, и в помещении оказалось сумрачно, несмотря на то, что лето и середина дня. В магазине было странно тихо, и Нина прежде всего тренированным ухом расслышала эту тишину — никогда в торговом зале в середине дня не бывает тихо, если только магазин не закрыт!..

Непривычная тишина была только внутри, а снаружи, наоборот, доносился странный гул, как будто поезд метро, набирая скорость, мчался на станцию «Пушкинская» не под землей, а прямо по улице!

— Ну что там?

Нина оглянулась. Желтая канцелярская дверь с кодовым замком, ведущая в святая святых магазина, в подсобные и складские помещения, — а там материальные ценности, между прочим! — была распахнута настежь. Елена Семеновна, Клара Францевна, Лиза, Ирина Федоровна из бухгалтерии, выскочившие следом за ней, толпились на пяточке между прилавками, вытягивали шеи, как гусыни.

Марины среди них не было.

Нина оглянулась еще раз, чтобы удостовериться. Удостоверилась, что нет, и стала смотреть на улицу.

Покупатели тоже вытягивали шеи и медленно, как в кино, закрывали книги, которые листали, клали их на прилавки и шли к окнам — громадным полукруглым окнам-витринам, в которых к первому сентября обязательно вывешивали сделанные из

картона и раскрашенные гуашью кленовые листья, а на Новый год расклеивали гигантские снежинки — очень красиво.

За полукруглыми окнами-витринами прямо по самой середине улицы, переименованной опять в Тверскую в прошлом году, деловито, страшно и шустро ползли танки.

Пятьдесят лет назад все газеты писали: «Сегодня гостеприимно распахнул свои двери новый книжный магазин на улице Горького. Символично, что дом книги получил прописку на улице, названной в честь великого пролетарского писателя. Огромные отделы, большие светлые залы, широкие прилавки — все к услугам москвичей и гостей столицы. Первыми пришли поздравить новый дом книги столичные пионеры и школьники. Специально для них здесь открыт большой отдел детской литературы. Радуют глаз многочисленные корешки книг с именами любимых писателей — Горький, Островский, Gladков, Кочетов. Специально для гостей из братских социалистических стран есть книги классиков марксизма-ленинизма на болгарском, чешском, польском, венгерском языках».

А сегодня по улицам мимо магазина пошли танки — свои, и это самое страшное!

— Господи Иисусе, — пробормотала за спиной у Нины старенькая Клара Францевна, — это что же такое будет, а? Война, что ли!

— Какая война, типун вам на язык!

— А у меня мальчишка один дома, как бы его не понесло куда-нибудь. Надо ехать. Девочки, как вы думаете, поезда еще ходят?

— Какие поезда?..

— Метро, какие же еще!

— Да туда сейчас и не пройдешь небось, к метро-то! Я с утра шла, там всю митинговали, а сейчас, наверное...

— Он ведь у меня такой, он ведь родину пойдет защищать! Нет, мне надо ехать, прямо сейчас.

— От кого защищать-то?

— Что?

— От кого родину защищать? Тут поди разберись, где свои, где чужие, от кого защищать, а кого...

— Что тут происходит?

Нина оглянулась и увидела директрису. Она стояла в некотором отдалении, и вид у нее был не слишком приветливый.

— Марина! Марина Николаевна, танки!

— Я вижу. Почему дверь в подсобное помещение открыта, девушки? Танки танками, а материальные ценности никто не отменял. Во время инвентаризации недосчитаемся чего-нибудь, скажем — недоглядели, потому что на танки любовались?!

Ирина Федоровна из бухгалтерии пожала плечами и с мстительным видом захлопнула желтую канцелярскую дверь.

Марина, назначенная директором без году неделя, никому не нравилась и всех раздражала.

— Марина Николаевна, как вы думаете, война будет?

Тут повернулись все разом — и сотрудники, и покупатели — и уставились ей в лицо, как будто она знала нечто такое, чего не знает никто, и немедленно должна произнести речь, хотя того самого броневика, немало дел натворившего в истории, в торговом зале не наблюдалось!..

— Никакой войны не будет, — отчеканила Марина как ни в чем не бывало. — Ситуация в стране сложная, все об этом знают. Очевидно, танки вызвали, чтобы поддерживать порядок.

— А на Пушкинской сегодня с утра митинговали, не пройти было, — жалобно шмыгнув носом, сказала та самая сотрудница, у которой мальчишка был один дома. — А сейчас... что же? А если стрелять начнут?

— Не начнут, — так же уверенно сказала Марина, которая понятия не имела, начнут танки стрелять или нет.

— Мне домой надо, а поезда, может, уже не ходят...

— Если ваш дом не за Кремлевской стеной, вы прекрасно доедете, — уверила ее Марина.

— Как за стеной?.. Почему за Кремлевской?

— Потому что танки идут вниз, к Кремлю.

Все посмотрели — и вправду вниз.

— Марина Николавна, можно мне домой, а? У меня сын...

— Ни за что не отпустит, — шепнула Ирина Федоровна из бухгалтерии Нине Иванушкиной. — Что ей там какой-то сын! Ей главное план выполнить!.. Хоть тут революция, хоть боевые действия, хоть дети плачут!..

— Езжайте, — громко сказала директриса. — Всех остальных прошу не паниковать и не пугать наших покупателей. Что вам показать? — внезапно изменив тон, обратилась она к тишайшему старичку в длинном летнем пальто. Старичок давно порывался о чем-то спросить продавца и как будто не решался.

— «Историю государства Российского» Карамзина. У вас есть, деточка?

«Деточка» Марина уверенной рукой взяла старика под локоток и повлекла к дальнему прилавку.

— Все меняется, — бормотал себе под нос старичок, — все меняется, и только люди во все времена остаются одинаковыми! Люди, их стремления и амбиции. Вы не находите, деточка?

— Да-да, — рассеянно подтвердила Марина, прислушиваясь к гулу за окнами.

Чего-чего, а танков никто не ожидал. Может, и впрямь нужно спасаться? Распускать сотрудников, бежать по домам?.. Забаррикадировать окна и двери сваленными в кучу стульями и столами?.. Забить витрины фанерными щитами, как в войну?

И самое главное — что дальше? Как узнать?

Все получилось слишком быстро — Горбачев улетел в Форос, газеты писали нечто невразумительное, но тревожное, и с каждым днем это тревожное все нарастало, и каждый день казалось, что «вот-вот начнется», а что именно начнется, никто не знал. В воздухе, как будто перегретом истерическими выкриками газетных и телевизионных журналистов, носилось предчувствие чего-то страшного, непоправимого, но тем не менее необходимого, без чего дальнейшая жизнь уж точно невозможна.

Так жить нельзя, повторяли все, а как можно и должно — никто не знал.

В магазинах не было еды.

На заправках висели объявления «Бензина нет совсем», потому что растерянные мужики, просительно нагибаясь к окошечкам и услышав, что «бензина нет», неизменно спрашивали: «Совсем?!»

В программе «Время» объявили, что в Московской области хлеба осталось на три дня, а в Ленинградской на два.

Окраины империи полыхали, и было совершенно очевидно, что вот-вот прорвется именно там, где тонко, что деловитый националистический огонь не сегодня завтра пережжет спайку, сделанную тем самым балагуром-вождем семь десятилетий назад. «Пятнадцать братских республик» в один день перестанут быть братскими, благополучный фасад треснет, и едкий отвратительный дым, именуемый «национальная рознь», повалит из всех трещин. Бывшие братья — впрочем, республики именовались и так, и сяк, и «сестрами» и «братьями», — начнут воевать друг с другом за все, что угодно: за кусок границы, через которую идут грузы, за газопровод, за ближайшую сопку — вдруг там золото или нефть?!

Все удельные князья, даже самые далекие и бедные, вдруг почувствовали себя императорами. Вдруг оказалось, что они «угнетенные», а «угнетатель» в одночасье ослаб, ткни и развалится!.. Может, до конца и не развалится, но дырка точно будет. И оказалось, что тыкать можно, что за это никто не накажет, не даст по рукам, гигант едва держится на ногах, а из дырок хлещет кровь, и тело его, еще недавно казавшееся прочным, как чугунный монолит, с каждым днем все слабеет и все больше напоминает решето!..

Повсюду были угрюмые лица, горящие глаза, и все говорили — не только на кухнях и на работе, но и на митингах — только об одном: что дальше?

Никто не знал.

Голод? Революция? Гражданская война?

Митинги в последнее время стали таким же привычным и обыденным делом, как и очереди. Только на митинги бегали с гораздо большим энтузиазмом и рвением. Они проходили повсюду: на площадях, возле станций метро, в скверах и парках. Впрочем, очереди тоже напоминали митинги. Там волновались, шумели, выкрикивали лозунги, один нелепее другого. Деньги и в карманах, и в бюджете таяли, как сахар в чашке с чаем.

Книжный магазин «Москва», смотревший огромными окнами-витринами на улицу Горького, казался осколком «старого мира» — там все так же светили лампы дневного света, казавшиеся когда-то последним достижением дизайна, все так же поблескивали полированные темные прилавки, все так же было набрано золотыми буквами «Общественно-политический отдел», все так же пахло книжной пылью и слежавшейся бумагой. Даже синеватое, как прокисшее молоко, пятно на потолке, которое получилось, когда торговый зал залило кипятком из прорвавшейся трубы, казалось успокоительным и каким-то... своим.

Читателей, правда, стало маловато. Время такое, не до книг. Впрочем, и книг-то никаких не было. То, что читали раньше, во времена застоя, казалось до невозможности глупым и каким-то «нежизненным», и было даже стыдно немного, что еще недавно пьеса про то, как на заводе делят премиальные, считалась верхом фрондерства и гражданского мужества.

Коричневый томик Булгакова, тиснутый в Минске на заре перестройки, разлетелся за считанные часы. В томике было всего два произведения — «Мастер и Маргарита» и «Белая гвардия», — и ошалев-

шие от счастья читатели хватали книгу, как хлеб. И, как в очереди за хлебом, пришлось установить порядок, давали по одной в руки. И все равно торговали только полдня, и книги кончились.

В издательствах не понимали, что происходит. Вроде бы все нынче должны работать «по-новому», а как именно, никто не знал.

Система рухнула. «Москнига», альфа и омега книжной торговли, огромная и всемогущая организация, оказалась не у дел, и люди, годами учившиеся, как продавать книги, вдруг почувствовали себя ненужными и растерянными.

Никто никому ничего не мог объяснить.

Что значит работать «по-новому»? Печатать и продавать то, что на самом деле нужно и интересно народу, и это вовсе не книги пролетарского писателя Горького на языке братского болгарского народа?! Но поверить в то, что *на самом деле можно все*, до конца еще никто не мог.

Что, и Довлатова можно?! И Веничку Ерофеева?! А Шаламова?! Шаламова-то уж наверняка нельзя!.. И Аксенова нельзя, он в Биаррице живет!

Самое ужасное, что и спросить-то было не у кого!.. Идеологический отдел КПСС находился в коме, а сама идеология вроде как умерла совсем, и только грозный призрак ее нависал над издательствами, совершенно потерявшимися в пыльных облаках исторического слома.

«Иностранка» попробовала напечатать Борхеса отдельной книжечкой, на сером газетном срыве, и прошло!.. Ну, тогда — господи, твоя воля, — Кастанеду, и тоже прошло!.. Тут выяснилось, что иностранцев нужно переводить, многих заново, ибо